

«Мейерхольд. Чужой театр». Сцена из спектакля

ПРОНЗИТЕЛЬНАЯ ПРАВДА ДОКУМЕНТА

Гастроли Александринки в Москве состоялись в начале апреля 2025 года. На сцене МХТ имени А.П. Чехова 2 и 3 апреля показали спектакль Валерия Фокина «Мейерхольд. Чужой театр», поставленный к 150-летию Вс.Э. Мейерхольда в 2024 году. Сразу же после премьеры появились критические статьи в ведущих изданиях, комментарии. Высказаться пожелали многие критики.

Необычный и непривычный спектакль. Документальное воспроизведение обсуждения в ТиМе — Театре имени Мейерхольда — статьи П. Керженцева

«Чужой театр», опубликованной 17 декабря 1937 года в газете «Правда», направленной против Всеволода Мейерхольда. Традиционное собрание коллектива, выступления, привычная для 30-х годов атмосфера «проработки» и обличений. Ничего занимательного, яркого, привлекающего внимания. И пронзительная правда документа. Убедительно переданная атмосфера времени. Ужас происходящего, который умножает наше знание последующей трагической судьбы великого режиссера.

Аскетизм постановщика, его сознательное самоограничение в выборе вы-

Вс. Мейерхольд — В. Кошевой, Зинаида Райх — О. Соколова

разительных средств действует сильнее вычурных мизансцен и изысканных режиссерских находок. Присутствующие в зале зрители тоже невольно становятся участниками этого страшного заседания, поскольку в первый ряд усаживаются актеры, играющие реальных людей, тех, кто составлял костяк мейерхольдовской труппы, а мы, пришедшие на представление, мгновенно ощущаем себя причастными к этому аутодафе, вовлеченными в работу страшной мясорубки. Все предельно строго и в этой простоте оглушающе страшно.

На заднике — проекция зловещей статьи.

Платон Михайлович Керженцев (настоящая фамилия — Лебедев, литературный псевдоним — В. Керженцев) — советский государственный и общественный деятель, революционер, дипломат, экономист, журналист, переводчик. Человек образованный, в 20-е

годы представитель СССР в Швеции и Италии, занимал ответственные посты, в 1933–1936 годах — председатель Комитета радиофикации и радиовещания при Совнаркоме СССР. В 1936–1938 годах — председатель Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР. Его слово было выражением позиции партии, это была не просто статья размышляющего о положении дел в определенном театре критика — это был приговор, после которого последовали неизбежные оргвыводы: закрытие театра, а вскоре арест и расстрел Мейерхольда, режиссера-новатора, известного международному театральному сообществу.

Именно простота сценического действия, монотонность мизансцен — нормальное собрание, каким помнят их люди старшего поколения, обыденность привычного регламента действуют

Наталья Ивановна Серебрянникова — С. Смирнова

сильнее любых сентенций и объяснений. К столу, за которым ведущий собрание и секретарь, добросовестно фиксирующий выступления, выходят по одному актеры театра Мейерхольда. Сопратники? С гневным осуждением. И все. Но как нарастает напряжение, как электризуется воздух, как накаляется атмосфера, как ненависть, амбиции, желание утвердиться и пнуть «поверженного льва» меняют настроение собравшихся, увеличивают «градус» поначалу более или менее спокойного обсуждения.

Что это? Историческая реконструкция найденных в архиве протоколов? Конечно, не только и не столько. Скорее — рассказ-размышление о сущности человека. О его приспособляемости, о его мелочности и готовности к предательству, о низости человеческой натуры, об актерах, как особом психологическом типе людей.

Страсти почище, чем в кровавых шекспировских хрониках. Потому что на кону жизнь конкретного человека из плоти и крови, его судьба и само его физическое существование.

Постепенно собрание, всё больше превращающееся в бойню, прерывает, буквально разрывает злое действие эмоциональное выступление молодой Гоарины Гоарик (Анастасия Пантелева). Но снова — размеренное и завистливо злобное сообщение жены Тимерина, и сам Тимерин — враг формалиста, далекого от генеральной линии партии Мейерхольда.

Того самого Тимерина, кто неизменно был занят в постановках Мастера...

Волею обстоятельств более десяти лет назад я оказалась на собрании коллектива Театра на Таганке. Актеры яростно «изгоняли» Ю.П. Любимова, который «не смог, не обеспечил, актеры для

Вс. Мейерхольд — В. Кошевой

него никто... Всё для себя...» — привычные формулировки, неправда ли? «Это что, его театр?» — с пафосом не восклицали, а орали, как базарные торговки, актрисы. Попытка объяснить и прояснить, сказать: да, это его театр, он, Любимов, создал этот театр и вас — ни к чему не привели.

Откуда эта страшная закономерность? Ученики с особым садистским сладострастием изгоняют Пигмалиона, слепившего их, создавшего им биографию... Так хотелось крикнуть как у Шварца: «Тень, знай свое место!!!»

Но именно тени кричат громче всех и не слушают никого, прежде всего голоса разума и совести.

Особое место в спектакле-диспуте, в спектакле-обвинении занимают реконструкции сцен из спектаклей Мейерхольда. Зловеща и выразительна сце-

на из «Ревизора», когда, словно подчиняясь неведомой сверхсиле, недовольные, обиженные, жалкие в своем пафосе актеры занимают подобающее им место — становятся послушными сверхволе уникальной личности — и вот уже извиваясь, почти перестав быть людьми, они из зала, где обвиняли и обличали, словно змеи и неведомые животные, а попросту необыкновенные крысы (как у Гоголя) ползут, извиваясь, по сцене. В спектакле Фокина эта сцена произвела ошеломляющее и весьма уместное впечатление. Ужас превратил людей в насекомых, в монстров...

Собственно, и об этом спектакль Валерия Фокина. Что ужас делает с людьми. Но речь здесь идет не об умозрительной ситуации. Атмосфера страха и преследований в конце 1937 года стала повсе-

«Мейерхольд. Чужой театр». Сцена из спектакля

местной. Страх актеров ТиМа, помноженный на всегда неудовлетворенные амбиции актеров, и породили тот ужас обвинений и предательств, которые обрушились на голову Мейерхольда. Но эта история осталась бы слишком прямолинейной, если бы Фокин не обратился к прошлому, к заливчатским приемам Мейерхольда-революционера начала 20-х годов, когда Всеволод Эмильевич был председателем ТЕО Наркомпроса, другом Троцкого, и насаждал новые порядки в искусстве и театральной жизни.

Небольшой, но такой выразительный эпизод с арестованным Эренбургом, с Мейерхольдом, бескомпромиссным и бестрепетным вождем, вещающим с дощатой трибуны.

Это спектакль о судьбе Мейерхольда. И о революционном молохе, который

не щадит своих и чужих. Вот они — в красном кровавом революционном свете, групповые композиции, отголосок таких популярных массовых действий 20-х годов прошлого века.

Бумеранг насилия возвращается...

Спектакль — история, спектакль — предостережение, спектакль — философия борьбы за власть, спектакль — дань памяти.

Только факты, только реконструкция реальных событий. Спектакль, обращенный к каждому.

Валентина ФЁДОРОВА

Фото Владимира ПОСТНОВА предоставлены
пресс-службой Александринского театра